

Мартынюк А. В.,

кандидат исторических наук

РУСЬ И ЗОЛОТАЯ ОРДА В МИНИАТЮРАХ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Выдающийся историко-художественный памятник средневековой Руси Лицевой летописный свод был создан в 3-й четверти XVI в. по повелению царя Ивана Грозного как официальная летопись Московского царства [5, с. 206—265]. В настоящее время 10 сохранившихся томов Свода находятся на хранении в различных музейных и библиотечных собраниях Москвы и Санкт-Петербурга (Государственный исторический музей в Москве, Российская национальная библиотека и Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге). Содержательно они могут быть разделены на две группы. В трех первых томах («Музейный сборник», «Хронографический сборник», «Лицевой хронограф») изложены события всемирной истории: ветхозаветные сюжеты, история Троянской войны, отдельные периоды римской и византийской истории и т. д. Данные темы рассматривались составителями Свода как необходимое введение в собственно русскую историю, которой посвящены следующие семь томов: «Голицынский», «Лаптевский», 1-й и 2-й «Остермановские», «Шумиловский», «Синодальный» и «Царственная книга» (в научной литературе сложилась традиция обозначения «русских» томов Свода по именам их владельцев в XVII—XVIII вв.). Эти тома последовательно продолжают друг друга и все вместе составляют единое полотно русской истории с 1114 по 1567 г. Лицевой летописный свод иллюстрирован более чем 17 000 великолепных миниатюр, из которых около 10 000 относятся к истории Руси. Уникальный характер Свода как историко-художественного произведения предопределил его особое положение среди памятников русского летописания.

Исследователями русского летописания было отмечено, что в лицевых (иллюстрированных) рукописях документальное значение имеет не только летописный текст, но и сопровождающие текст миниатюры. Произведения изобразительного искусства служили в средние века своеобразными «книгами для неграмотных», которые должны были в общедоступной форме передать сложное содержание письменного источника. В наибольшей степени это характерно для Лицевого летописного свода. В нем взаимосвязь между текстом и иллюстрацией претерпела значительную эволюцию по сравнению с другими памятниками русской средневековой книжной миниатюры. В Лицевом своде миниатюрам отведено главенствующее место перед текстом как в рамках всего памятника (17 000 миниатюр на 10 000 листов рукописи), так и в пределах отдельной книжной страницы. Миниатюра занимает до двух третей всего пространства книжной страницы, она доминирует над летописным текстом и графически организует его. Можно говорить о том, что текст Свода лишь комментирует подробную и обстоятельную «повесть в лицах» [9, с. 320]. Значение миниатюр Лицевого летописного свода в качестве исторического источника было обосновано в ряде работ российских историков. Необходимо отметить обобщающие исследования А. В. Арциховского и О. И. Подобедовой, в которых они были рассмотрены в контексте общего развития

древнерусской исторической миниатюры, представленной такими памятниками, как Хроника Георгия Амартола XIV в., Радзивилловская летопись XV в., лицевые жития святых XIV—XVI вв. В данных работах был установлен и факт использования при работе над Сводом более древних, не дошедших до нас русских иллюстрированных рукописей.

Изучение средневековой книжной миниатюры в качестве исторического источника имеет свою специфику. Миниатюры дополняют письменные источники, данные археологии и других исторических дисциплин, прежде всего в отношении историко-бытовых реалий средневековья (изображения предметов материальной культуры, одежды и вооружения, архитектурных памятников и т. д.). В то же время перед миниатюристами были открыты возможности, которых не было у создателей письменного текста. Отдельные события русской истории складываются благодаря сознательному применению сходных изобразительных приемов в обширные повествовательные циклы (например, княжеские междоусобицы, войны с внешними врагами,

отношения с иноземными властителями и т. п.), которые обладают своим внутренним единством и прослеживаются на протяжении многих десятков, а иногда и сотен миниатюр. Устойчивая иконография отдельных сцен (батальных, церемониальных и др.) и случаи отклонения от нее позволяют проследить те акценты, которые расставляют создатели миниатюр в своей интерпретации летописного текста. Таким образом, можно констатировать, что во многих случаях миниатюры несут дополнительную по отношению к письменному источнику информацию, вносят новое понимание в трактовку летописного материала.

Особое значение имеют мировоззренческие представления авторов рукописи, отразившиеся в средневековых миниатюрах. Историческая действительность передавалась в них часто условными и схематичными, но всегда строгими и продуманными средствами художественного выражения. В средневековом изобразительном искусстве, в частности, в древнерусской миниатюре не было ничего случайного. Создателями лицевых рукописей разрабатывались такие принципы иллюстрирования и композиционные приемы, которые должны были с исключительной наглядностью передать рассказ об исторических событиях, обозначить отношение современников к окружающей их исторической действительности. Изучение изобразительной системы Лицевого летописного свода помогает не только правильно прочесть содержание каждой конкретной миниатюрной композиции, но и открывает возможности для более глубокого понимания средневекового мировоззрения в целом. Значение миниатюр Лицевого летописного свода как важного источника по истории русской общественной мысли может быть продемонстрировано на примере отраженных в них представлений о месте Руси в системе восточноевропейских государств в Средние века, в частности, о взаимоотношениях Руси и Золотой Орды.

Как в самом тексте, так и в миниатюрах Лицевого летописного свода отношениям Руси и Орды в XIII—XV вв. уделено значительное внимание. Миниатюры подробно рассказывают о нашествии Батые и разорении монголами русских городов Рязани, Москвы, Владимира, Суздаля, Торжка, Чернигова, Киева, Владимира-Волынского и др., о характере взаимоотношений русских князей и ханов Золотой Орды, об этапах борьбы Руси против татарского

владычества. Обширные циклы миниатюр иллюстрируют летописные повести о гибели в Орде русских князей (например, Михаила Всеволодовича Черниговского в 1246 г. и тверских князей в XIV в.), о битве на Куликовом поле (данному событию посвящено около 180 миниатюр) и «стоянии» на реке Угре. В то же время при изучении миниатюр свода обращает на себя внимание тот несколько парадоксальный факт, что при таком внимании к татарской тематике они не делают различий при изображении русских и татар. Правители, вельможи, воины, простые люди Руси и Золотой Орды изображены в сходной художественной манере, вплоть до их абсолютной внешней идентичности. Лишь в чрезвычайно редких случаях иллюстраторы свода делают попытку передать монгольский тип лица или какую-нибудь иную реалистичную деталь. Длинные усы и чуть раскосые глаза выделяют, например, татарского мурзу Челубея в изображении его поединка с иноком Александром Пересветом на Куликовом поле (2-й «Остермановский» том, миниатюра 89) или царевича Мустафу в сцене битвы на р. Листани в 1443 г. («Голицынский» том, миниатюра 625) [13, илл. 33, 38]. Можно предположить, что к подобным средствам художественного выражения авторы миниатюр прибегали в тех случаях, когда хотели подчеркнуть необычность, экстраординарность события. Именно к таковым, без сомнения, относятся и поединок русского воина-монаха с татарским богатырем на Куликовом поле, и гибель ордынского царевича в ожесточенной зимней битве на Листани с великокняжескими полками, отрядами рязанских казаков (первое их упоминание в русских источниках) и мордвы.

На первый взгляд, сходство изображений русских и татар в миниатюрах Лицевого летописного свода может быть истолковано как проявление схематизма и неумения древнерусских миниатюристов отражать исторические реалии своего времени. Это предположение, однако, было бы по крайней мере поспешным. На Руси существовала своя собственная традиция изображения иноплеменников, отразившаяся, например, в миниатюрах Радзивилловской летописи [1, с. 19—20]. Представляется, что за внешним сходством в изображении русских и татар скрывается не только схематизм, но и определенная мировоззренческая позиция создателей и заказчиков свода. Массовость иллюстративного материала позволяет проанализировать те изобразительные приемы, которые использовали русские миниатюристы при изображении различных народов, и выделить некоторые закономерности.

Исследователями миниатюр Лицевого летописного свода было отмечено, что различные народы отличаются определенными типами одежд и головных уборов. На всем протяжении свода прослеживается строгая закономерность в изображении двух больших групп исторических персонажей, которые можно с некоторой долей условности охарактеризовать как «западную» и «восточную». Наиболее наглядной является типология головных уборов (шлемов) в батальных сценах, проанализированная А. В. Арциховским [1, с. 61—63]. Это, с одной стороны, классические

русские сфероконические шлемы-шишаки, хорошо известные по археологическим материалам. В таких шишаках изображаются представители востока — воины из Руси и других православных стран (византийцы, сербы, болгары), а также из Золотой Орды. В миниатюрах Свода им противопоставлены выходцы из западных земель — немцы, шведы, норвежцы, поляки, венгры, отличительным признаком которых являются

круглые шлемы. Это противопоставление чрезвычайно последовательно проведено в сотнях миниатюр с изображением батальных сцен. Таким образом, создатели Лицевого летописного свода вводят определенный изобразительный критерий, который отчетливо делит все известные древнерусским книжникам народы на две большие общности: восточную и западную.

Интересно отметить одну деталь, относящуюся к Великому княжеству Литовскому. Как правило, по вышеназванному критерию литовцы (здесь и далее под этим обобщающим термином понимаются выходцы из Великого княжества Литовского, без дальнейшей конкретизации их этнической принадлежности) относятся к западному типу. Не только в боевой обстановке, но и в сценах совместных походов союзного войска (например, литовско-тверского) русские и литовские воины четко различаются по своему внешнему виду. Последовательно проведена и разграничительная линия между литовцами и татарами, которые, как говорилось выше, внешне не отличаются от русских. Во всех этих миниатюрах литовцы противопоставляются представителям востока — воинам из русских земель и Орды. Однако встречаются и миниатюры (иллюстрации битв литовцев с немцами), в которых литовцы изображены в шишаках русского типа [1, с. 62—63]. В этом случае литовцы выступают в качестве представителей востока. Таким образом, в миниатюрах Лицевого летописного свода наглядно отразилось определенная дихотомия Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, где сосуществовали и боролись различные исторические традиции (этнические, конфессиональные, культурные). С точки зрения московских книжников XVI в. летописная «литва» занимала промежуточное положение между востоком и западом, между Русью и странами католической Европы.

Следует подчеркнуть, что данный разделительный критерий шире национальных или конфессиональных границ. Если граница между православной Русью и католическим западом проведена достаточно четко, то граница между Русью и востоком, прежде всего Ордой, остается размытой. Это делает обоснованной постановку вопроса о том, что миниатюры Свода иллюстрируют представление о некотором единстве Руси и Орды, существовавшем, по мнению образованных людей средневековой Руси, в определенную историческую эпоху. Наиболее вероятно, что в миниатюрах нашли свое отражение исторические реалии XIII—XV вв., когда русские земли находились под властью ханов Золотой Орды. Данное предположение может быть подкреплено анализом системы представлений об иерархии средневековых правителей, отраженной в миниатюрах Свода.

Отличительной особенностью миниатюр Лицевого летописного свода является развитая символика в изображениях форм организации власти. Для миниатюр Свода (как и для русского лицевого летописания в целом) характерно очень строгое отношение к феодальной иерархии, к знакам достоинства властителей различных уровней [1, с. 28—30, 111—112; см. также: 9, с. 276—286]. Средневековое мировоззрение не признавало мелочей в этом вопросе. Строгой регламентации подвергались общие каноны изображения правителя, атрибуты его власти, композиционное построение миниатюр с изображением церемониальных сцен и пр. (см., например, анализ иконографии византийских правителей в классической работе А. Грабара «Император в византийском искусстве»). Как отметила О. И. Подобедова применительно к

Лицевому летописному своду, миниатюры подробно повествуют, «на основе каких прав («по отчине и дедине»), на основании какой документации («ханский ярлык») и с поддержкой каких слоев населения (бояре, воины) сел на престол великий князь владимирский или московский» [9, с. 319].

В русском лицевом летописании наибольшее значение в качестве символа власти имеет так называемая «древнерусская княжеская шапка». Начиная с древнейших памятников русской миниатюры («Изборник» Святослава 1073 г.) она является неизменным и обязательным атрибутом древнерусских князей, отличительным признаком их княжеского достоинства. С помощью нюансов в изображении этого головного убора иллюстраторы лицевых рукописей определяют место каждого правителя в иерархии русских князей, формулируют свое представление о законности или незаконности его притязаний, передают оттенки взаимоотношений русских князей между собой и с иноземными властителями [1, с. 28—31, 111—118]. При этом

система представлений миниатюристов Свода о «феодальной табели о рангах» (термин введен О. И. Подобедовой на основании исследований А. В. Арциховского) правителей Руси претерпевает изменения в соответствии с реалиями соответствующих исторических эпох. Если в изображениях событий XII—XIII вв. княжеской шапкой увенчаны все русские князья, что демонстрирует их фактическое равноправие в период феодальной раздробленности, то для XIV в. эта регалия сохраняется лишь у великих князей — московского, тверского, рязанского, нижегородского, смоленского [1, с. 112—114]. Правители других русских княжеств теперь лишены этой важной привилегии, что наглядно демонстрирует изменение их иерархического статуса. В дальнейшем, с падением самостоятельности отдельных княжений и подчинением их Москве, исчезает со страниц русских миниатюр и княжеская шапка, а на ее место приходит золотой царский венец — символ власти московских государей. Для того чтобы лучше понять то значение, которое придавали этому статусному символу создатели Лицевого летописного свода, необходимо совершить краткий экскурс в область истории идей и ознакомиться с теми представлениями о «вселенском царстве», которые были широко распространены на Руси в период средневековья.

В соответствии с этими представлениями, кроме отдельных государств существовало и наднациональное «вселенское царство», земной аналог Царства Небесного и важный элемент существующего миропорядка. Со времени принятия христианства в глазах образованных кругов Древней Руси (а также Болгарии, Сербии и некоторых других стран) этим «истинным царством» была Византийская империя, «царствующим градом» — ее столица Константинополь, «природным цесарем» — ромейский император. Наиболее отчетливо эти представления были сформулированы в сравнительно позднем памятнике — известном письме константинопольского патриарха Антония IV великому князю московскому Василию Дмитриевичу в 1393 г.: «Невозможно христианам иметь Церковь и не иметь императора» [подробнее см.: 8, с. 276—283, 543—544]. Власть византийского императора, таким образом, простиралась на весь православный мир — по крайней мере в идеальном, в метафизическом смысле. Эта духовно-политическая доктрина была закреплена поминовением цесаря в церковном богослужении. Однако захват Константинополя крестоносцами в 1204 г. создал для общественного сознания Древ-

ней Руси новую сложную ситуацию. «Царское место» оказалось пустующим. Никейская империя не имела в глазах русских книжников того значения, которое имела прежняя Ромейская держава. Именно на этот период «отсутствия царства» пришлось монгольское завоевание и установление власти Золотой Орды над русскими землями. В этих условиях произошел своеобразный перенос царского титула с византийского императора на хана Золотой Орды, что отразилось в именовании татарских ханов «царями» в русских летописях [3, с. 87—89]. Орда заполнила возникшую лакуну в мировосприятии, заняла в общественном сознании Древней Руси пустующее место «вселенского царства», главенствующего политического института в Восточной Европе. На верхней ступени средневековой иерархии правителей, «феодальной табели о рангах» оказались ханы Золотой Орды, которые в период с 1243 по 1480 г. облагали данью и формально наделяли властью русских князей. Вероятно, некоторую роль в легитимизации власти Орды в глазах древнерусского общества сыграла и позиция православной церкви [3, с. 88]. Церковь не только признала власть ордынских царей и добилась для себя определенных преимуществ, но и неоднократно выступала в XIII—XIV вв. посредницей в отношениях между русскими князьями, ханами Золотой Орды, византийскими светскими и церковными иерархами (о роли церковной дипломатии в Восточной Европе того времени см.: Прохоров Г. М. «Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы» и Мейендорф И. «Византия и Московская Русь. Очерки по истории церковных и культурных связей в XIV в.»). Ситуация не изменилась и после отвоевания никейцами Константинополя в 1261 г. Византийские императоры вернули себе право на царский титул, но подлинными цесарями Восточной Европы в глазах русских людей продолжали оставаться ханы Золотой Орды [3, с. 87—89, 149—152]. В именовании татарских ханов «царями» исследователи справедливо видят свидетельство того, что сюзеренитет Орды над русскими землями не оспаривался ни политическими деятелями, ни деятелями общественной мысли Руси того времени [3, с. 88].

Таким образом, вопрос о «царском достоинстве» не является узким вопросом официальной титулатуры. Он отражает живые исторические представления образованных людей средневековой Руси. Идея о переходе к Москве царского достоинства от императоров Византии и ханов Золотой Орды, получившая развитие в XV—XVI вв., играла заметную роль в истории русской средневековой общественно-политической мысли и являлась важной составляющей идеологического оформления независимости Руси, создания централизованного Русского государства. Формирование представлений о царском характере власти великого князя московского заняло весьма длительный промежуток времени и закончилось лишь в середине XVI в., а именно в 1547 г., когда Иваном Грозным был официально принят царский титул, что ознаменовало его превращение в «самодержца» — суверенного правителя, не имеющего над

собой сюзерена. Данный процесс нашел свое отражение во многих письменных памятниках XV—XVI вв. Достаточно указать на такие произведения общественно-политической мысли средневековой Руси как «Повесть о Вавилонском царстве», «Русский хронограф», «Сказание о князьях владимирских», «Степенная книга царского родословия», публицистические послания Спиридона-Саввы, Филофея и других авторов.

Миниатюры Лицевого летописного свода позволяют проследить последовательное развитие идеи о «преемственности царств» в XIII—XVI вв. В стройной системе регалий древнерусской исторической миниатюры золотой царский венец занимает особое место. Уже в Радзивилловской летописи слово «царь» так же последовательно ассоциируется с этим головным убором, как слово «князь» с древнерусской княжеской шапкой. Титулом царя в летописи и золотым венцом в миниатюрах увенчан правитель вселенского царства, осуществлявший, по представлениям средневековых книжников, верховный суверенитет над многими государствами Восточной Европы. Для миниатюр Лицевого летописного свода, посвященных XII—XIII вв., таким правителем является император Византийской империи. С XIII в., с момента подчинения русских земель власти Золотой Орды, золотая царская корона становится неотъемлемым элементом изображения татарских ханов. Миниатюры Лицевого летописного свода, таким образом, отражают ту же тенденцию, которая прослеживается по письменным источникам.

Данная система проведена в Лицевом летописном своде чрезвычайно строго и последовательно [1, с. 116—118]. Для миниатюр свода характерна устойчивая иконография сцен взаимоотношений русских князей и их ордынских сюзеренов в XIII—XV вв.: сидящий на троне хан и склоняющийся перед ним в поклоне русский князь [см., например: 13, илл. 32, 36]. Во всех случаях правитель Золотой Орды изображен в золотой царской короне, а русский князь — в традиционной княжеской шапке, демонстрирующей его более низкое иерархическое положение. Подчеркнутая скрупулезность в изображении владельческих регалий и устойчивая композиция церемониальных изображений исключают возможность смешения сюзерена и вассала, хана Золотой Орды и русского князя, несмотря на отмеченное внешнее сходство между русскими и татарами [13, с. 147—148]. Миниатюры Лицевого летописного свода не оставляют сомнения в том, кому по мнению заказчиков и создателей рукописи принадлежала власть («царство») в рассматриваемый период. Миниатюристов не смущали даже те ситуации, когда они вынуждены были противопоставлять в одной миниатюрной композиции святого благоверного русского князя и татарского хана, названного в сопроводительном летописном тексте «безбожным» и «окаянным» (см., например, одну из миниатюр, посвященных Куликовской битве [13, илл. 33]). Этот факт тем более показателен, что Лицевой летописный свод создавался в третьей четверти XVI в., спустя значительное время после освобождения Руси от татарской зависимости. Можно сделать вывод, что мировоззренческие представления средневековой Руси о феодальной иерархии оказались сильнее, чем конкретные политические симпатии и антипатии создателей свода. Для русских книжников XVI в. (и, соответственно, предшествующего времени) Золотая Орда являлась не только враждебным иноземным государством, но и законным «царством», легитимным носителем верховной государственной власти в пределах всей Восточной Европы в период XIII—XV вв. Сравнительно немногочисленные сведения письменных источников находят свое подтверждение в устойчивой иконографии миниатюр Лицевого летописного свода, на массовом иллюстративном материале.

С этой точки зрения становится понятным и то внешнее сходство в изображениях русских и татар, которое было отмечено выше. Как представители

единой государственной и исторической общности, единого восточноевропейского царства они противопоставляются выходцам из западных королевств и княжеств — Польши, Литвы, немецких земель. В этом отношении наиболее характерна одна из миниатюр 2-го «Остермановского» тома (миниатюра 784 об.), изображающая восточноевропейских властителей в 1410 г. Одну из сторон данной миниатюрной композиции занимают хан Золотой Орды и два зависимых от него русских князя (тверской и рязанский), противоположную — правители Великого княжества Литовского и Польского королевства. В соответствии с «табелью о рангах» все изображенные властители наделены своими регалиями: золотая корона ордынского царя, княжеские шапки его русских вассалов, королевские венцы независимых западных правителей [13, с. 179—182, илл. 37]. Здесь восток противопоставлен западу, вселенское царство, в состав которого входят и русские земли — иноземным государствам. Так, по-видимому, воспринимали политические реалии XIII—XV вв. современники — образованные люди средневековой Руси. В данном контексте может найти

объяснение и закрепившееся в русской исторической традиции за Ордой наименование «Золотая» — с соответствующим положительным семантическим значением. Не иноземная власть, а вселенское царство (пусть и находящееся временно, между упадком Второго и возвышением Третьего Рима, в руках иноплеменников) вполне заслуживало такого эпитета.

В соответствии с историческими реалиями, ситуация меняется после торжественного венчания на царство Ивана Грозного в 1547 г., которому посвящен в Лицевом летописном своде отдельный обширный цикл миниатюр [9, с. 116—117]. В дипломатической переписке с восточными властителями московские государи начинают именовать себя «белыми царями» (*ак падишах*). Есть все основания рассматривать эту титулатуру как сознательную ориентацию на «золотоордынское наследие» (как известно, Золотая Орда именовалась в восточных источниках XIV—XV вв. «Белой Ордой») [2, с. 268—276 и 11, с. 304—308]. С этого момента в Лицевом летописном своде золотая корона становится символом власти московских государей, которые занимают в иерархии восточных правителей то место, которое раньше принадлежало царям Орды. Интересно отметить, что цари и царевичи татарских ханств, образовавшихся после распада Золотой Орды (Казанское, Крымское, Астраханское ханства), продолжают и после 1547 г. сохранять в летописном тексте свой царский титул, а в миниатюрах — царские регалии (в том числе и золотой венец). Однако идейное содержание миниатюр становится иным. Если раньше композиционная схема миниатюр фиксировала подчиненное положение русских князей, то теперь ситуация видоизменяется. Перед царем Иваном Грозным, восседающим на троне во всеоружии своих владельческих регалий (золотая корона, скипетр) почтительно склоняются вассальные татарские властители. Миниатюрная композиция воспроизводит все то же представление о царской власти, характерное для книжников средневековой Руси, но роли теперь переменялись и верховным цесарем Восточной Европы стал правитель Московского государства [1, с. 118; см. также: 12, с. 186—188]. В этом случае миниатюры несут дополнительную по отношению к летописному тексту информацию. Они наглядно фиксируют новую систему отношений между московским царем и татарскими «царями» (начиная с этого момента это слово применительно к последним можно брать в кавычки). В «феодаль-

ной табели о рангах» статус татарских «царей» понизился, они были поставлены в положение служебников московского государя. Интересно отметить, что данная ситуация находит свои параллели в той «смене царств», которая произошла в XIII в.: как и византийские императоры после 1261 г., татарские ханы сохраняют свое право на царский титул, но уступают первенствующее место более сильному цесарю. Концепция последовательной «смены царств» — Византии, Золотой Орды, Москвы — прослеживается в миниатюрах Лицевого летописного свода значительно более отчетливо, чем на материале письменных источников, прежде всего за счет весьма значительного количества этих миниатюр. Таким образом, можно сделать вывод, что миниатюры Лицевого летописного свода имеют характер самостоятельного памятника, отражающего последовательную трансформацию представлений о верховной власти и этапы формирования официальной идеологии Московского государства.

Далеко не исчерпано значение миниатюр Лицевого летописного свода в качестве источника наших знаний об историко-бытовых реалиях средневековой Руси. Не случайно выдающиеся исследователи считали возможным отойти от академической сдержанности при характеристике значения миниатюр свода для изучения русской истории. Так, например, Б. М. Клосс говорил о них как о «самой полной энциклопедии исторических знаний средневековой Руси» [5, с. 265], а А. В. Арциховский образно назвал миниатюры Радзивилловской летописи и Лицевого летописного свода «окнами на исчезнувший мир древней Руси» [1, с. 4]. Разнообразие сюжетов, богатство исторических фактов, обилие уникальных деталей делают миниатюры важнейшим источником по русской истории, существенно дополняющим данные письменных источников, археологии и других исторических дисциплин. Несомненно, дальнейшее изучение миниатюр свода приведет к расширению наших представлений по многим вопросам, например, о реалиях материальной культуры средневековой Руси, о несохранившихся памятниках архитектуры, о геральдике русских княжеств и других государств Восточной Европы и т. д. В качестве примера можно назвать изображения золотоордынской тамги в «Голицынском томе» свода, не имеющие аналогов в других памятниках русского изобразительного искусства [13, с. 160—163, илл. 28].

Однако значение миниатюр Лицевого свода не ограничивается этим чисто историко-бытовым аспектом. Наряду с письменными источниками, миниатюры Лицевого летописного свода являются замечательным памятником средневекового мировоззрения. Они отражают живые исторические представления о месте Руси среди других восточноевропейских государств, содержат оценку современниками важнейших исторических событий: падение Константинополя, монголо-татарское нашествие, возвышение Москвы и образование единого Русского государства. Исторические события из отдаленного прошлого органично связываются в миниатюрах Лицевого свода с

актуальными проблемами современности. Тысячи миниатюр Свода, объединенные единством замысла и общностью художественных средств выражения, создают целостную картину исторического развития средневековой Руси так, как его воспринимали древнерусские книжники. Наиболее выразительно это проявляется в последовательной эволюции представлений об иерархии правителей на Руси и в Восточной Европе в целом. В миниатюрах Свода нашли

свое отражение система взаимоотношений русских князей в XII—XIII вв., борьба великих княжений в XIV в., этапы становления московского «самодержавства» в XV—XVI вв., а также взаимоотношения русских земель с Византией и Золотой Ордой. Анализ изображений Лицевого свода позволяет составить более точную картину того, как воспринималась власть Золотой Орды на Руси, какое место занимало иноплеменное «царство» в представлениях современников. В миниатюрах значительно более полно, нежели в письменных источниках, отражен процесс последовательного восхождения московских великих князей к высшей ступени средневековой феодальной иерархии — к титулу царя. Этот процесс получил свое завершение при Иване Грозном и был тогда же документально зафиксирован в выдающемся историко-художественном памятнике русского средневековья — Лицевом летописном своде XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
2. *Беннигсен А.* Экуменизм Ивана Грозного // Русский альманах. Париж, 1981.
3. *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2001.
4. *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000.
5. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.
6. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
7. *Мейендорф И.* Византия и Московская Русь. Очерки по истории церковных и культурных связей в XIV в. Париж, 1990.
8. *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
9. *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.
10. *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.
11. *Трепавлов В. В.* Статус «белого царя»: Москва и татарские ханства в XV—XVI вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. М., 1993.
12. *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild. Recklinghausen, 1978.
13. *Martyniuk A.* Die Mongolen im Bild. Hamburg, 2002.